

ными самые безотрадныя выводы. Правительства, отъ низшихъ должностныхъ лицъ до высшихъ, представляются ему глубоко испорченными. Онъ находитъ до корня развращенными и почти всѣхъ членовъ имущихъ классовъ. Нѣтъ основанія ждать многого отъ этихъ людей въ смыслѣ нравственнаго перерожденія. Можно возлагать упованіе только на неимущихъ. Но Толстой признаетъ, что и среди нихъ очень многіе будутъ болѣе охотно извлекать выгоды изъ существующаго порядка вещей, нежели работать надъ личнымъ усовершенствованіемъ. Такимъ образомъ, одни имѣютъ власть, любятъ ее, тяготѣютъ къ ней, дѣлко держатся за нее. Другіе отстраняются отъ политической дѣятельности, избѣгаютъ всего, что можетъ прямо или косвенно служить поддержанію власти. Предположимъ, что въ рядахъ второй группы окажется даже много миллионъ людей: и то она скорѣе очутится въ состояніи безвыходнаго рабства, нежели успѣетъ перевоспитать большинство, склонить его къ праведной жизни, о которой мечтаетъ Толстой.

IX.

И такъ, говоритъ онъ, необходимо прежде всего измѣнить нашу личную жизнь.

Нельзя согласиться съ его мыслью, что искаженіе древнихъ религіозныхъ ученій служить главнымъ признакомъ ихъ значительности. Религіозныя ученія, касаясь вопросовъ, близкихъ огромному большинству, всегда распространялись въ обширномъ кругу. Такъ какъ вѣроученіе, поскольку оно содержитъ только правила морали, рѣзко отклонялось отъ образа жизни людей, которымъ проповѣдывалось, то и не могло быть усвоено въ чистомъ видѣ. Но въ то же время люди, которые знакомились съ нимъ, старались сдѣлаться его послѣдователями. И, вотъ, истолкователи ученія выработывали догмы, въ расчетѣ на то, что все или значительная часть содержанія догмъ можетъ быть усвоена и при среднемъ, господствующемъ складѣ жизни. Это повело къ загроможденію всѣхъ религій безчисленными толкованіями и дополненіями, которыя не имѣютъ ничего общаго съ ихъ существомъ. Философскія же ученія древности, Аристотеля и другихъ мыслителей, касаются очень сложныхъ вопросовъ и требуютъ со стороны изучающихъ большого напряженія умственной силы. Нужны гораздо большія усилія ума, дабы усвоить логику Аристотеля или ученіе